

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Alexandra Bracken
IN THE AFTERLIGHT

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis LLC

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Бракен, Александра.

Б87 Темные отражения. В лучах заката : роман / А. Бракен ; [пер. с англ. М. Кармановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-17-110127-5

Неизвестный вирус порастил детей и подростков. В живых остался только каждый десятый. Но кто они теперь — изгои, запертые в лагерях? Все еще люди? Или мутанты, наделенные сверхспособностями?

Руби не мечтала о суперспособностях, но теперь они у нее есть. И каждый день с их помощью она спасает других и выживает сама. Рискую жизнью, Руби отправляется на поиски информации о страшной эпидемии, которая сломала жизнь миллионам людей и расколола страну на два лагеря. Пережив в Нью-Йорке атаку правительственных войск, Руби и группа сопротивленцев продолжают борьбу. По всей стране тысячи детей с необычными способностями томятся в заточении. Они должны обрести свободу. Руби сделает всё, чтобы помочь тем, кого любит.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© **Alexandra Bracken, 2014**
© **М. Карманова, перевод на русский язык**
© **ООО «Издательство АСТ», 2019**
ISBN 978-5-17-110127-5

*Посвящается Меррили, Эмили и множеству других людей — где бы они ни находились, которые без устали трудились для того, чтобы эти книги попали к вам.
С любовью и благодарностью.*

В юности наши сердца опалил огонь.
— *Оливер Уэнделл Холмс (младший)**

* Холмс О. У.-младший (1841—1935) — известный американский юрист США, участник Гражданской войны. Известен своими яркими и афористичными высказываниями.

ПРОЛОГ

ЧЕРНЫЙ — это цвет, которого нет.

Черный — это цвет тихой, опустевшей детской спальни. Это самый тяжелый час ночи, когда, задыхаясь от очередного кошмара, ты вздрагиваешь в своей постели. Это форма, натянувшаяся на широких плечах сердитого парня. Черный — это грязь, глаза, лишенные век, что следят за каждым твоим вздохом, это низкая вибрация заграждения — устремленное вверх, оно пронзает небо.

Это дорога. Забытая ночная синева, расколотая затухающими звездами.

Это ствол нового пистолета, нацеленный тебе в сердце.

Цвет волос Толстяка, синяков Лиама, глаз Зу.

Черный — это обещание завтрашнего дня, обескровленное ложью и ненавистью.

Предательство.

Я вижу его в отражении разбитого компаса и цепенею от горя, которое не дает дышать.

Я бегу, но это моя тень. Она гонится за мной, пожирая и отравляя. Это кнопка, которую никогда не должны были нажать, дверь, которую никогда не должны были открыть, засохшая кровь, кото-

рую невозможно смыть. Это обугленные руины.
Машина, спрятанная в лесу в надежде на спасение.
Это дым.

Это огонь.

Искра.

Черный — это цвет памяти.

Это наш цвет.

Это цвет нашей история, если кто-то захочет ее
рассказать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чем дальше я удалялась от центра города, тем длиннее становились тени. Мой путь лежал на запад, навстречу заходящему солнцу, которое словно сжигало остаток дня. Именно за это я ненавижу зиму — кажется, будто ночь наступает все раньше и раньше, поглощая свет. Выпачканное смогом небо Лос-Анджелеса было покрыто мазками темно-фиолетового и пепельно-серого.

В других обстоятельствах, пробираясь в наше новое укрытие через несложную геометрию улиц, я была бы благодарна за дополнительное прикрытие. Однако обратившиеся в руины дома — последствия недавней бомбардировки, огороженные территории лагерей и военные посты, груды поджаренных электромагнитным импульсом, теперь бесполезных, брошенных машин основательно изменили облик города. И достаточно было углубиться в эти развалины метров на триста, чтобы окончательно заблудиться. Световой шум, порожденный агрессивной иллюминацией мегаполиса, теперь исчез. И во время ночных вылазок нам приходилось ориентироваться на далекие огни военных конвоев.

Я быстро просканировала взглядом пространство вокруг, одновременно проверяя карман куртки: убедиться, что фонарь и табельный пистолет на

месте. И за то, и за другое я была обязана рядовой Моралес, хотя использовать трофеи можно было только в случае крайней необходимости. Я никому не позволю выследить меня — заметить, как я бегу в темноте. Я обязана вернуться на базу.

Час назад рядовой Моралес не повезло — отправившись в одиночку патрулировать автостраду, она попалась мне на пути. Еще только всходило солнце, а я уже укрылась за перевернутой машиной, наблюдая, как вспыхивает, словно электрическая дуга, залитая непрерывным потоком искусственного света эстакада. Я считала, сколько крошечных фигурок в униформе каждый час проходят по ближайшему ко мне участку, пробираясь туда и обратно между грузовиками и армейскими джипами — в качестве дополнительного барьера машины были припаркованы бампер к бамперу. У меня сводило мышцы, но я боролась с желанием переместиться в другое место.

Мучения оказались не напрасными. Один солдат — и я получила все необходимое для того, чтобы невредимой вернуться на базу. Но, главное, что теперь я знала, как мы можем наконец-то — *наконец-то* — убраться к черту из этого проклятого города.

Прежде чем перебраться через кучу кирпичей, которая когда-то была фасадом отделения банка, я пару раз оглянулась и, стиснув зубы, зашипела от боли, оцарапав ладонь о какой-то острый обломок. Я раздраженно отшвырнула этот предмет — металлическую букву «К», отвалившуюся от вывески — и тут же пожалела об этом. Лязг и скрежет эхом отразились от ближайших зданий, почти заглушив еле слышные голоса и осторожные шаги.

Я бросилась вглубь того, что еще осталось от операционного зала, и прижалась к земле, скорчившись за ближайшей стеной.

— Чисто!

— Чисто...

Осторожно высунувшись, я увидела на другой стороне улицы солдат и насчитала двенадцать шлемов. Военные рассыпались в разные стороны, распахивая каждую дверь с выбитыми стеклами, проверяя офисные здания и магазины. *Укрытие?* Я осмотрелась по сторонам и, быстро оценив перевернутую, обгорелую мебель, рванулась к письменному столу из темного дерева и скользнула под него. Скрежет обломков, раздавшийся снаружи, заглушил мое собственное неровное дыхание.

Мои ноздри горели от едкого дыма, запаха обугленной плоти и бензиновой вони, но я не двигалась, прислушиваясь к голосам, пока они не стихли. Оставаясь настороже, я выбралась из-за стола и, не разгибаясь, передвинулась к выходу. Патрульный отряд был по-прежнему в поле моего зрения: они все еще проверяли развалины зданий на нашей улице, но я уже не могла ждать — ни минутой дольше.

Когда я погрузилась в память женщины-солдата и склеила воедино нужные кусочки информации, то почувствовала, будто у меня с души наконец свалился огромный бетонный блок. Она показала уязвимые места в оборонительных сооружениях вдоль автострады так четко, будто отметила их на карте толстыми черными штрихами. После этого мне оставалось только стереть себя из ее памяти.

Я знала, что бывшие агенты Детской лиги придут в бешенство от того, что мое участие действительно сработало. Их собственные операции заканчивались неудачами, количество еды, которую им удавалось доставать, постоянно уменьшалось. Все это время Коул упорно убеждал их отпустить в город меня, чтобы я тоже попыталась. Разрешение

было получено, но при условии, что я пойду одна — чтобы больше никого не поймали. Мы уже потеряли двух агентов, которые, отправившись в город, где-то прокололись.

Я всегда была предельно осторожной, но я начала впадать в отчаяние. Настало время действовать, или военные возьмут нас измором.

Армия США и Национальная гвардия создали непреодолимую преграду вокруг делового центра Лос-Анджелеса, используя развитую систему автострад. Эти извивающиеся бетонные монстры стянули внутреннюю часть города тугим кольцом и душили нас, отрезав от остального мира. Трасса 101 блокировала путь с севера и с востока, магистраль I-10 — с юга, а шоссе 110 — с запада. Возможно, у нас был шанс ускользнуть, если бы мы ушли сразу, как только выбрались на поверхность из-под обломков нашей штаб-квартиры. Но... Вспоминая об этом, Толстяк всегда говорил, что мы были *контужены*. Удивительно, что кто-то вообще был способен двигаться, добавлял он в заключение.

Я должна была это сделать. Я должна была заставить нас идти вперед, снова собрав воедино. Должна, если бы перед глазами не возникало его лицо, навсегда оставшееся в темноте. Я прижала ладонь внешней стороной к глазам, борясь с приступом тошноты и с острой болью, пронзившей голову. *Подумай о чем-нибудь еще. О чем угодно.* Эти головные боли были невыносимы — намного хуже, чем те, которыми обычно заканчивались мои попытки управлять своими способностями.

Останавливаться нельзя. Не обращая внимания на распухшие ноги, я пустилась бежать. От учащенного дыхания болело горло, усталые веки наливались свинцом, но адреналин заставлял меня

двигаться вперед, хотя временами казалось, что я вот-вот упаду и отключусь. Я не могла вспомнить, когда последний раз мне удавалось уснуть глубоким, крепким сном, чтобы позабыть о кошмаре, который поджидал нас наяву.

На дорогах пузырился растрескавшийся асфальт, громоздились кучи цементной крошки, которую солдатам еще предстояло расчистить. Тут и там глаз выхватывал яркие цветные пятна: красные туфли на высоком каблуке, сумочка, чей-то велосипед — все брошенное и забытое. Еще какие-то почерневшие и обгоревшие предметы вышвырнуло взрывом из окон соседних домов. Пустынная картина разрушения вызывала тошноту.

Перебегая через следующий перекресток, я мельком бросила взгляд вдоль Олив-стрит. Мое внимание привлекло сияющее светлое пятно на Першинг-сквер, в трех кварталах отсюда. На месте парка был разбит лагерь для интернированных лиц, который поспешно соорудили здесь, хотя руины зданий еще тлели. В нем оказались те, кто, к своему несчастью, работал неподалеку, когда президент Грей отдал приказ нанести удар по Детской лиге и по Федеральной коалиции — небольшой группе объединившихся против него бывших государственных деятелей. Считалось, что так он решил ответить на недавнюю попытку покушения, в котором были замешаны одна или обе упомянутые группы. Мы следили за каждым из таких лагерей, рассчитывая найти Кейт и тех, кто ушел вместе с ней. И мы видели, как множится количество задержанных — обычных гражданских лиц, которых удерживали там против их воли.

Но Кейт не было нигде. Если ей и агентам, покинувшим перед атакой Штаб, не удалось выбраться из города, они прятались так хорошо, что даже мы

не могли их обнаружить, хотя использовали экстренные протоколы связи.

Еще один немногочисленный военный конвой — гул радиостанций и рев шин — обнаружился совсем рядом — за два квартала. Поглотив разочарованный вдох, я спряталась за кузовом внедорожника, выжидая, пока солдаты не пройдут мимо — их сапоги поднимали в воздух облачка бледно-серой пыли. После чего, выбравшись из укрытия, я снова перешла на бег.

Мы — Лига или то, что от нее осталось — каждые несколько дней перемещались на новое место, никогда не задерживаясь на одном складе надолго. Когда мы совершали вылазки в поисках еды или воды или отправлялись наблюдать за лагерями военнопленных, при малейшем намеке на то, что кто-то мог сесть нам на хвост, мы уходили. И, конечно, это было правильно. Но я поймала себя на том, что не помню, в каком месте сейчас обосновалась наша группа.

Когда я наконец добралась до восточной части города, здесь стояла такая тишина, что это безмолвие действовало на нервы сильнее, чем симфония пулеметного огня и звуков перезаряжаемого оружия, которая наполняла воздух вблизи Першинг-сквер. Я крепко сжала в руках фонарик, но все равно не могла заставить себя его включить — даже когда врезалась локтем в оштукатуренную стену. Я взглянула на небо: новолуние. Конечно.

Тревожное предчувствие, то самое, которое уже не первую неделю поселилось у меня на плече, нашептывая на ухо темные мысли, теперь превратилось в клинок, пылавший в моей груди. Медленно погружаясь в мою плоть, он разрывал ее на части. Я откашлялась, пытаюсь очистить легкие от отравленного воздуха. Выбежав на очередной

перекресток, я заставила себя остановиться и забилась в нишу в стене — туда, где раньше стоял банкомат.

«Глубоко вдохни, — приказала я себе. — По-настоящему глубоко». Я попыталась встряхнуть кистями рук, чтобы сбросить напряжение, но ощущение опасности никуда не делось. Закрыв глаза, я слышала, как где-то вдалеке стремительно рассекает воздух вертолет. Какое-то шестое чувство — чутье, которое изводило и не давало успокоиться — подталкивало меня свернуть на Бэй-стрит, а не продолжать идти по Аламеда-стрит до перекрестка с Севенс-стрит. Последний маршрут позволял быстрее добраться до нашей нынешней базы, расположенной между Джесс-стрит и Санта-Фе-авеню, чтобы как можно быстрее передать остальным информацию, выработать план и *убраться отсюда.*

Но если кто-то следил за мной и шел по моим следам, я смогу избавиться от них на Севенс-стрит. Мои ноги сами решили за меня и понесли на восток, по направлению к реке Лос-Анджелес.

Через полтора квартала изнурительного бега я заметила тени, которые двигались по Матео-стрит в направлении к Севенс-стрит. Я резко остановилась, выбросив руки вперед, чтобы схватиться за почтовый ящик, чтобы не позволить инерции вынести меня на середину улицы.

Я резко выдохнула. *Слишком близко.* Вот что происходит, когда забываешь притормозить и убедиться, что улица действительно безопасна. Я потеряла виски, ощутив, как в них бьется мой бешеный пульс. По лбу растекалось что-то теплое и липкое, но сейчас было не до таких мелочей.

Пригнувшись как можно ниже, я двинулась дальше, стараясь понять, куда направляются эти солдаты. Они подошли слишком близко к нашей